

TAKE IT EASY или ХРОНИКИ
ЛЫСОГО АРХИТЕКТОРА

АЛЕКСАНДР ШТЕЙНБЕРГ
ЕЛЕНА МИЩЕНКО

В ПРЕДДВЕРИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ

КНИГА 11

Эта серия книг посвящается архитекторам и художникам — шестидесятникам.

Удивительные приключения главного героя, его путешествия, встречи с крупнейшими архитекторами Украины, России, Франции, Японии, США. Тяготы эмиграции и проблемы русской комьюнити Филадельфии. Жизнь архитектурно-художественной общественности Украины 60-80х годов и Филадельфии 90-2000х годов. Личные проблемы и творческие порывы, зачастую веселые и смешные, а иногда грустные, как сама жизнь. Архитектурные конкурсы на Украине и в Америке. Книгу украшают многочисленные смешные рисунки и оптимизм авторов.

Серия состоит из 15 книг, связанных общими героями и общим сюжетом.

Иллюстрации Александра Штейнберга.

Александр Штейнберг Елена Мищенко В ПРЕДДВЕРИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КАТАСТРОФЫ

Попытки Кабанова и Северова возглавить кафедру оказались малоуспешными, от их услуг институтское руководство отказалось, и **ему** через полтора года после зловещей космополитической кампании осенью пятидесятого опять вернули руководство кафедрой. Только теперь **он** именовался так — и. о. заведующий кафедрой архитектурного проектирования профессор Яков Аронович Штейнберг. Приставку и. о. Министерство высшего и среднего специального образования поставило на всякий случай, а вдруг начнется новая кампания, а мы, как видите, это предусмотрели, мы **ему** не совсем смогли доверить кафедру. В Академии он продолжал работать тоже и как член-корреспондент, т. е. как член Совета, и как заместитель директора института архитектуры сооружений. Таким образом, первая половина дня у **него** обычно проходила в институте, вторая — в Академии, или наоборот. Удалось сохранить на кафедре только Онащенко, Каракиса — опытного архитектора после экзекуции уволили.

В этот день на одиннадцать часов была назначена оценка курсовых проектов четвертого курса. Тема была довольно интересной — клубы и дома культуры. Когда он прибыл на кафедру, все уже были в сборе, студенты уже расставили свои проекты на досках в первой комнате. С его прибытием Михаил Наумович выставил всех студентов и закрыл двери. Оценка обычно проводилась коллегиально. Первым высказывался руководитель студента, представившего проект, а потом совместно его обсуждали и оценивали. После этого Клара Георгиевна ставила оценку в виде цифры и расшифровки. Например, 5(отлично). Архитекторы — народ умелый, и удалось засечь пару случаев, когда тройка на проекте превращалась в пятерку в зачетке. Рядом с оценкой он ставил свою подпись.

Эта процедура продлилась до часу дня. Студентов впустили на кафедру, где он обычно задерживался на полчаса, чтобы ответить на возникшие вопросы. Вопросы, как правило, были однотипными. Вот и сейчас прозвучало: «Почему мне тройка, когда я выполнил все по заданию?».

— Потому что в вашем проекте много ошибок, — стал терпеливо объяснять он, — которые бы не позволили построить это здание. Потому что из зала на шестьсот мест у вас два выхода и оба на уровне последнего ряда, что

запрещено пожарными нормами, потому что артистические помещения проходные, потому что клубная часть не имеет связи со сценической, потому что у вас нет авансцены, потому что у вас не предусмотрено пространство для размещения софитов, потому что в сценическом портале нет заплечиков для укрытия занавеса, потому что на фасаде у вас нарисованы не обычные люди, а лиллипуты высотой метр двадцать, и вообще потому что вы не консультировались у вашего руководителя, что исключило бы эти ошибки, и не показывали проект в карандаше на просмотре, прежде чем его красить. Но обратите внимание, что мы поставили вам тройку с плюсом, что означает, что эти ошибки поправимы. Если вы их исправите, и руководитель будет ходатайствовать за вас, мы сможем повысить оценку. — **Он** знал тяжелое положение многих студентов и не хотел лишать их стипендии.

Закончив объяснения **он** начал спускаться по лестнице с третьего этажа. Его не покидала одна мысль. **Он** всегда старался быть объективным во время оценок проектов. А сегодня **он** словил себя на том, что кроме качества проектов **он** внимательно смотрел на фамилии студентов. Сейчас придирались ко всему. Это был курс, на котором еще занимались евреи. На втором курсе, где занимался сын — Александр, евреев уже не

было, за исключением самого Шуры. А время было очень тревожное в этом отношении. После кампании борьбы с космополитами ситуация в этом направлении постепенно накалялась. Все знали по чьей команде проводилась эта кампания, хотя официальных письменных распоряжений на эту тему «великий вождь и учитель» никогда не давал. Ходили слухи, что великий актер Михоэлс был убит. Были арестованы все члены Еврейского Антифашистского Комитета. Их пытали в течение четырех лет и в июле этого года состоялся процесс, после которого их всех, кроме академика Штерн, казнили. Шли аресты и увольнения крупных ученых, работников искусств, журналистов. Большинство из них обвиняли в шпионаже и связи с сионистским движением. Как добивались их признания, все хорошо знали. Летели головы, и каратели не обращали внимания ни на звания, ни на заслуги. В это же время, как он понимал, с целью прикрытия интернациональных взглядов вождя, отдельных евреев поощряли, вручали им сталинские премии. И все чувствовали, что это только начало, что следует ждать еще более страшных событий.

Ему даже не с кем было поговорить на эту тему. Иосифа Каракиса уволили с его кафедры. На соседней с ним кафедре рисунка не было ни одного еврея. Брата Михаила наградили званием

профессора и тут же выпроводили на пенсию, что не помешало руководству Союза Художников тут же исключить его из своего союза «за формализм».

Он спустился на первый этаж и натолкнулся на полковника Тутевича — секретаря партийной организации института. Тутевич курил возле лестницы.

— А, Яков Аронович! — он простер руки, как для объятий. — Я как раз собирался с вами переговорить. Давайте присядем, если у вас есть для нас пара минут, — возле лестницы стоял блок стульев из зала. — Ничего, что я курю? Вы, насколько я знаю, не курите.

— Да. Б-г миловал.

— На вас тут не надует? Чтобы вы не застудились из-за меня.

«Что-то слишком много заботы о моем здоровье, — подумал **он**. — Это не к добру. Очевидно предстоит крайне неприятный разговор».

— Я, знаете ли, вот о чем хотел с вами переговорить. Вы же знаете, когда возник вопрос о назначении заведующего кафедрой архитектуры, я поддержал вашу кандидатуру. «Как же, как же, — подумал **он**. — Ты сам организовывал всю эту травлю космополитов, ты обзывал меня беспаспортным бродягой и почему-то наймитом, ты требовал избавить институт от Штейнбергов и Каракисов с их прозападными двурушническими

идеями. А сейчас наедине ты, оказывается, лучший друг». Так вот, к нам в партбюро поступили тревожные сигналы о том, что политико-воспитательная работа на вашей кафедре находится не на должном уровне.

— От кого поступили?

— Я вообще не обязан вам об этом говорить, но учитывая мое хорошее отношение к вам лично, скажу. От работников нашей ведущей кафедры — кафедры марксизма-ленинизма. «Довольно мутный адрес», — подумал он .

— И в чем же заключается наш низкий политико-воспитательный уровень?

— Дело в том, что у вас на кафедре нерегулярно проводятся политзанятия, что очень существенно в настоящий период, когда очень обострились противоречия, когда противостояние разных систем столкнулось, и постоянно выявляются двурушники, что работают на западные режимы. Сейчас главное — сознательность и дисциплина. Без них не может жить социализм и тем больше не построишь коммунизм (эти слова он говорил почему-то без завершающего «м»). Вы же знаете, что только на Украине был арестован и обезврежен ни один десяток представителей образованных людей, сотрудничавших с американскими и израильскими спецслужбами. Империализм не дремлет. Озверевшие представители

капиталистического мира не могут простить нам наших успехов, особенно после войны. Так что вопросам политико-воспитательной работы, особенно среди вас — интеллигенции, партия уделяет сейчас очень много внимания. Недоработки в этой области сразу же дают о себе знать. Вот и на вашей кафедре тоже есть такие неприятности, на которые нам дают сигналы...

— Так. И в чем же они заключаются?

— Да все в том же, в низком уровне сознательности, и нет дисциплины как надо. Возьмем, например, ваш доцент Онащенко Василий Моисеевич. Его, как вы помните, судили у нас в зале за космополитические настроения, но обошлись с ним мягко — оставили в институте. И что же я теперь узнаю. Он грубо консультирует студентов, называет их жлобами. А ни для кого не секрет, и вы, я надеюсь, знаете, что среди них есть члены партии. Так что выходит — это он наших коммунистов называет жлобами? В этом еще неплохо было бы с ним разобраться. В общем мы поставили этот вопрос на партбюро, пока что в рабочем порядке, и решили направить к вам наших представителей для проверки политико-воспитательной работы и регулярных проведенных политических занятий, проверки политических знаний личного состава кафедры. И что это на самом деле? Приказ есть приказ.

Назначили занятия, пригласили лектора с кафедры марксизма, и не может быть никаких самоотводов. Если хотите, ознакомьтесь, как у нас на военной кафедре. Все посещают, никакие причины ни на кого не действуют. Так что вы подготовьтесь — скоро зайдут к вам проверяющие.

— И что же, собственно, я должен подготовить?

— А вы вот взяли бы — не поленились и зашли бы к нам на военную кафедру. У нас политико-воспитательная работа на очень высоком уровне. Политзанятия ведет полковник Бобылев. Он отличный специалист.

— А что он преподает?

— Он преподает уставы. Знаете ли он большой специалист по этому вопросу — шутка ли тридцать лет караульной службы.

— А, тогда другое дело! Постараюсь воспользоваться вашим советом. Спасибо.

— Или возьмем, к примеру, вашего лаборанта Михаила Наумовича. Пожилой человек, а тоже никакого понятия. Попросил его наш офицер на неделю эпидиоскоп показать новые виды вооружения, а он говорит: «Без письменного распоряжения Арбузова не дам. Вы нам, — говорит, — сорвете занятия по истории искусств». Что важнее? — спрашивается. Тот ему популярно объясняет, что он, наверное, забыл, что мы

воспитываем офицеров, а он ему отвечает, что мы воспитываем архитекторов. Что это такое? Как это называется? Настоящая грубость по отношению к старшему составу. За это в армии наказывают. И вы поставьте ему на вид. В общем, готовьтесь. Сейчас, как вы видите, нет никакой кампании, но нам нужна общая сознательность и дисциплина. А космополитизм уже пора изжить, — добавил он ни к селу, ни к городу. — Подтягивайтесь.

В это время закончилась третья пара, и студенты повалили к раздевалке. Увидев **его**, они расступились (с тех пор как у него украли пальто на кафедре, **он** стал оставлять его в гардеробе).

На улице, несмотря на осенний антураж, ярко светило солнце. Скверики возле института были покрыты яркожелтыми листьями. На их фоне выделялись почерневшие почти голые деревья. Воробьи хлопотливо завершали свои осенние дела.

«Хорошая пора для этюдов», — подумал **он**. И действительно, у забора отделявшего табачную фабрику от института пристроился какой-то студент с планшетом в руках. Возле стены института собралась группа студентов-старшекурсников. Один из них — низенький и худенький, прислонил осенний этюд к стене, и они его энергично обсуждали. — «Знакомый студент, — вспомнил **он**. — Это же

Огарков. Отличный акварелист». **Он** его как-то застал в туалете рисующим вид из окна и спросил.

— Почему вы выбрали такое некомфортное место для творчества?

— Ну что вы, здесь наоборот очень удобно. И тепло, и есть на чем сесть (он указал на подоконник) и какой вид... Правда из дамского туалета вид еще более живописный, но вы ведь сами понимаете...

В это время у стены института выступал один из его оппонентов:

— В общем неплохо. Но в то же время композиция получилась какой-то незаконченной. Я бы переставил это дерево к краю. И не все в гамме. Вот небо тут немного диссонирует с этой церковью.

«Почему активно критикуют всегда те, кто сами ничего не умеют, — подумал **он**. — Этот критик ни одного проекта прилично не покрасил. Нужно вступиться». — **Он** подошел к ребятам.

— Добрый день. Очень удачный этюд, молодой человек. Это ваш? Вы должны его обязательно представить на осенней выставке в институте. Она намечается через месяц. Особенно удачно решена композиция, чувствуется осенняя воздушная перспектива. Хорошо взята цветовая гамма. Так что, поздравляю. Успехов вам. Главное все время работать, чтобы не потерять ту отличную форму, которую вы уже набрали. (К сожалению,

забегая вперед, скажем, что этот талантливый акварелист скоро погиб из-за нелепой случайности).

В это время на ступенях перед институтом появилась маленькая фигурка человека с большим портфелем. Он снял пенсне, протер его, близоруко посмотрел по сторонам, надел его опять и помахал ему рукой. Это был Эйнгорн — доцент с кафедры математики, которую так не любили студенты-архитекторы, к которым, тем не менее, этот математик относился довольно благосклонно.

— Здравствуйте, Яков Аронович. Куда вы направляетесь?

— Я собирался в Академию — это на второй трамвай.

— Жалко, нам не по пути. А я на троллейбус, на ту сторону Брест-Литовского шоссе.

— Ничего. Я вас провожу, если не возражаете, — и они двинулись к мосту на Воздухофлотском шоссе, под которым был переход к троллейбусной остановке.

— Должен вам сказать, — начал Эйнгорн, — что ваш сын единственный из архитекторов, кто согласился взять тему по математике для доклада на научной конференции. Причем тему непростую, связанную с теорией детерминантов.

— Да, да. Я видел он исписал целую тетрадку какими-то формулами. Лучше бы походил на этюды. Нет, я не против. Математика архитектору

тоже нужна. Я сам когда-то грешил этим делом — занимался теорией перспективы. Я хотел спросить вас о другом. Только что у меня была малоприятная беседа с нашим парторгом. Обстановка сейчас, как вы знаете, крайне напряженная. Антисемитизм все растет и растет, поощряемый на самом верху.

— Как мне не знать! Моего приятеля — еврейского поэта-лирика, скажу вам по секрету, арестовали. Он был тихий мягкий человек. Скажите мне, пожалуйста, ну какой ущерб государству может нанести поэт-лирик. Слава Б-гу у нас на кафедре пока это не чувствуется. Наш заведующий кафедрой Юрий Дмитриевич Соколов не только крупнейший алгебраист. Он настоящий русский интеллигент и ненавидит антисемитов. Только благодаря этому у меня и Корнблюма нет никаких неприятностей, потому что у нас на кафедре есть юдофобы, как и на других кафедрах у нас на Пироговской. А как обстоят дела в вашем корпусе на Брест-Литовском?

— У нас этого добра хватает. Вы же помните публичное избиение космополитов в нашем здании. Тут главное, чтобы все это не пошло дальше. Ходят уже слухи о более страшных делах, например, о депортации. От них все можно ожидать. Вы же помните, как лихо расправились с крымскими татарами и некоторыми национальностями на Кавказе.

На другой стороне шоссе грохотал дизель-молот. На троллейбусной остановке стояло несколько человек. Они, стали за ними и он резко переменял тему беседы:

— Слышите, как грохочут? Где-то все-таки решили забить сваи. Здесь будет жилая застройка с магазинами на первых этажах до самого Евбаз. Я был на совете в Управлении по делам архитектуры, и представьте себе, несмотря на настроения, о которых мы говорили, все выступающие называли площадь Евбаз, а не площадь Победы.

— Я бы не отказался от квартиры в таком доме. Хороший район и напротив института.

— Хороший на первый взгляд. Рядом шумное магистральное шоссе. Но не это самое неприятное для проектировщиков и строителей. Самое неприятное — геология. Мне говорил Дранников — наш корифей в этой области, что тут проходит подземное русло реки Лыбедь, и, кроме того, линзы и карсты. Те фундаменты, которые ставят здесь, могут не выдержать. И тогда стены треснут. Здесь нужно было бы давать, как он считает, свайное основание или опрокинутый стакан. Видите, очевидно послушались. Где-то работает дизель-молот. — В это время подошел девятый троллейбус, — знаете, я наверное проедусь с вами до Владимирской, а там пройду пешком.

Он вышел из троллейбуса на углу Владимирской и прошел в Николаевский садик. «Сейчас он как-то по другому называется, — вспоминал **он**, — ах да, Шевченковский парк. Здесь же до войны в 39-м поставили памятник Шевченко». **Он** любил этот парк. Это был один из немногих уголков, где полностью сохранился старый Киев. Здесь приятно было вспомнить молодость. Было довольно прохладно, но **он** все-таки сел на скамейку и стал осматриваться вокруг. Деревья почти полностью облетели, так что все здания вокруг парка были видны. Вот первая гимназия, так хорошо и так страшно описанная Булгаковым. Напротив строгим темнокрасным пятном смотрелся университет. **Он** вспомнил, что университет построил Викентий Иванович Беретти, а гимназию — его сын Александр Викентьевич. Вот так получилось, что династия архитекторов создавала этот ансамбль. Сильные были мастера. К сожалению, никого из них **он** уже не застал. Александр Беретти умер за год до **его** рождения в 1895-м. **Он** это хорошо запомнил, так как работал в Академии над темой «Ампир в архитектуре Киева».

«Говорят, что чертежи университета, выполненные Беретти, хранятся в библиотеке Алешина, — вспомнил **он**. — Интересно, где Павел Федотович мог их достать? Библиотека у него

вообще великолепная». Он видел только часть ее, когда был у Алешина дома на Большой Житомирской в доме врача. Остальная часть размещалась в подвале. Этот многоквартирный дом оригинальной формы с полукруглым курденером был построен по проекту Алешина. Его квартира имела уникальные интерьеры и мебель, сделанные также по его проекту. Он собрал одну из лучших библиотек в городе. Окна его квартиры выходили на Большую Житомирскую. «Когда проходили праздничные демонстрации, — вспомнил он, — колонны демонстрантов формировались на улице Артема, и, прежде чем выйти на Крещатик, проходили мимо этого дома. Павел Федотович высовывался в окно, а проходившие мимо сотрудники проектных институтов выкрикивали лозунги в его честь. Он на них никак не реагировал, тем более, что разогретые горячительными напитками архитекторы выкрикивали иногда и не очень корректные лозунги. Например: «Слава нашему кице-президенту!» У Павла Федотовича были пышные усы, лихо торчавшие в разные стороны, что давало острякам повод так фамильярно называть вице-президента.

Кстати нужно будет предупредить членов кафедры, чтобы они активнее участвовали в этих демонстрациях, а то у Тутевича появится новый повод для обвинения нашей кафедры в низком

уровне политико-воспитательной работы. Вот на демонстрацию седьмого ноября почти никто из наших не пришел. Раз Тугевич сегодня затеял со мной эту неприятную беседу, значит, в партийных кругах опять готовится какая-то кампания.

Павел Федотович крепко приложил руку к этому кусочку Киева. Здесь его здание президиума Академии наук, и Педагогический музей, и обе библиотеки: центральная и университетская. Эти библиотеки он делал вместе с Осьмаком. Вообще, как я помню, он не очень жаловал соавторов. Но Осьмак был старше его и считался тогда крупной фигурой в архитектуре. Василий Александрович очень интересно проводил занятия. Самому не верится, что я слушал его лекции, еще когда учился короткое время в Политехническом институте.

Здесь каждый уголок наполнен историей нашей культуры — вздохнул он . — Вот слева идет уютная улица Чудновского. Я ее еще помню как Терещенковскую. На ней расположены и русский музей, и музей западного и восточного искусства. Честь и хвала славным семействам Ханенко и Терещенко, собравшим великолепные коллекции живописи, которые легли в основу русского и западного музеев. Сейчас их имена никто не вспоминает. Даже улицу переименовали. Долго не могли найти название: то Герцена, то Чудновского. Да и как могли оставить название улицы

Терещенковская, данное ей в честь крупных сахарозаводчиков?»

В парке было необычно пустынно. В дальнем углу напротив дома Морозова стояли столики и за ними сидели, нахохлившись как вороны, пенсионеры шахматисты, игравшие несмотря на холод. **Он** прошел мимо них. Ниже дома Морозова располагалась когда-то редакция газеты «Киевлянин», которой руководил Шульгин — тоже большой антисемит.

Он бывал в этом районе довольно часто. Дело в том, что два первых объекта, которые ему заказали после войны — это были поликлиники Четвертого управления Лечсанупра, то-есть барские поликлиники для Совмина и ЦК. Одна из них размещалась на Тарасовской недалеко отсюда, а вторая совсем рядом на Пушкинской. Это не были новые объекты — это была реконструкция приспособляемых зданий, но уж очень суровый был заказчик, так что приходилось ездить на авторский надзор, на планерки и совещания регулярно. **Он** делал архитектурные чертежи, конструктивную часть делал его старый приятель по проектированию санатория «Украина» в Гаграх — Вербенко, а технологию специалисты из Гипроздрава. На очередном совещании главный врач поликлиники представил его всем ведущим докторам и сказал:

— Вы, Яков Аронович, сейчас получите перечень телефонов ведущих специалистов и сможете обращаться к ним по любому возникшему вопросу. Вы, коллеги в свою очередь, можете обращаться к авторам со своими пожеланиями.

Как только они вышли, Вербенко отвел его в сторону и сказал:

— Яша, не вздумай послушаться его совета. Как только ты выслушаешь первого из них и что-нибудь сделаешь по его пожеланию, на тебя навалятся все и съедят. Каждый захочет вместо своего отделения создать дворец — висячие сады Семирамиды. С любыми пожеланиями тут же отправляй к технологам. Там народ тертый — они их вернут с неба на землю. Да и жаловаться на технологов не принято, а архитектора каждый готов сожрать. Так что, если тебе нужно с кем-то из врачей посоветоваться — выбери одного. Я бы порекомендовал Марка Евсеевича. Он старый опытный терапевт, пользующийся общим уважением и знающий потребности всех других врачей.

С тех пор он стойко соблюдал советы Вербенко и обсуждал предложения докторов, только относящиеся к покраске интерьеров, а подробнее беседовал только с Марком Евсеевичем...

Особенно запомнилось ему последнее совещание. После него они вышли на площадь Толстого вдвоем с Марком Евсеевичем и не договариваясь, завернули в Шевченковский парк. Первым заговорил доктор:

— Вы, очевидно, знаете, что крупные писатели, поэты, актеры и ученые — члены еврейского антифашистского комитета, три года назад были арестованы. Подозреваю, что их нет уже в живых. Я несколько дней назад приехал из Москвы. Там у меня много приятелей и коллег — ведь я закончил Московский медицинский институт. У меня есть приятели и в Кремлевской клинике. Это то же ведомство, что и у нас, только рангом выше. Очевидно очередь дошла и до нас.

— Вы не пожалеете, что так откровенничаете со мной?

— Это, в принципе, не играет никакой роли. Дело в том, что бывают ситуации в которых любой нормальный человек способен оговорить другого даже не имея никакой информации, и винить его в этом нельзя. Я выражаюсь довольно туманно, но надеюсь, что вы меня понимаете. Должен же я с кем-нибудь поделиться. Лучше это сделать с вами, чем с кем-нибудь из коллег. Так вот, московские врачи, как я почувствовал, в полной растерянности и недоумении. На эти темы они, естественно, стараются не говорить. Но я так понял, что

арестованы крупнейшие светила медицинской науки — в том числе те, которые лечили и консультировали самых высоких наших руководителей. Это Вовси, Виноградов, Егоров, Этингер, Фельдман, Коган. Арестован даже начальник нашего верховного ведомства, то-есть Лечсанупра Кремля — Бусалов. Но это касается не только нас. Говорят, что раскрыты еврейские заговоры на Московском автомобильном заводе и в Московском метрополитене. Идут аресты крупных инженеров. Я думаю, как это всегда бывает, что такая ужасающая провокационная волна докатится и до нас. Так что я хотел вас предупредить. Будьте очень осторожны, не ведите ни с кем бесед о своих знакомствах с крупными деятелями, особенно евреями, если таковые еще остались, бесед по национальному вопросу. Постарайтесь не вступать в контакты с моими коллегами по четвертому управлению и, пожалуйста, постарайтесь забыть обо всем, что я вам сейчас говорил. Я думаю, что нас ожидают в ближайшее время очень сложные события и перемены. Как врач могу вам только пожелать — будьте здоровы.

Все это он вспоминал, выходя из Шевченковского парка на площадь Толстого. Да именно здесь, он услышал эти страшные слова. Он прошел немного вперед по улице Толстого. Напротив возвышался открытый пару месяцев

назад многозальный кинотеатр «Киев». «Почему людей так съедает честолюбие, — подумал он. — Такие были друзья-приятели Онащенко, Таций и Чуприна. А сейчас, когда открыли кинотеатр, каждый из них жалуется мне при встрече на своих коллег. Никак не могут договориться, кто главный автор. Владимир Владимирович Захарченко, который был главным конструктором этого проекта, говорил мне при встрече, что работал, в основном, с Чуприной. Онащенко, общаясь со мной на кафедре, уверял меня, что все сделано по его эскизам, а мой сосед Таций, когда выпьет, а он это дело любит, говорит, что он этим самозванцам морду побьет. Насколько все это смотрится мелким на фоне той беседы, которая состоялась на этом же месте с Марком Евсеевичем.

Наверное все-таки стоит зайти на Пушкинскую. Там уже начались отделочные работы. Как бы чего непридвиденного не случилось».

ВОЗВРАЩЕНИЕ В КИСИ

После выписки из больницы я неделю проболтался дома и наконец решился пойти в институт. Нужно было нагонять своих приятелей по многим предметам: курсовой проект по архитектуре, задание на пересечение тел по начерталке в виде плаката (такова была идея Колотова — этот плакат освобождал от зачета), «тысячи» по языку, задание по статике сооружений — в общем дел хватало. Нашего преподавателя по языку я не застал, и тысячи мне разрешили сдавать Ямпольскому — заведующему кафедрой иностранных языков. Ямпольский, кроме языков, преподавал еще сопромат и статику сооружений. Я зашел в аудиторию, в которой секретарь кафедры назначил мне встречу, тихо уселся за свободный стол и стал слушать с большим интересом. В аудитории сидело человек десять, очевидно, хвостистов. Ямпольский поочередно подходил к каждому из них и начинал беседовать. У некоторых были приготовлены книги, у других чертежи. Ямпольский довольно сильно заикался. Но не это,

естественно, вызвало мой интерес, а фантастические возможности этого преподавателя. Я приведу содержание его бесед с бедными студентами-хвостистами, не передавая дефектов его речи, чтобы не снизить впечатление от его эрудиции.

— Так, так, молодой человек. На каком языке будете сдавать тысячи? На немецком? Зер гуд. Гутен морген...

Со следующим. — Это расчет двухконсольной рамы? А вы знаете, молодой человек, что у вас неправильно построена эпюра моментов?

Очередной студент. — У вас что? Тысячи по-английски? Good morning! How are you? Чудесно. Джек Лондон. Это я допускаю, хотя лучше технический текст. Но позвольте — это же адаптированный текст. Бог с вами. Я могу у вас его принять только в том случае, если вы сдадите на одну тысячу больше.

Следующий. — А ну-ка, разверните ваш лист, так чтобы он не скручивался. Расчет фермы. Чудесно. Сбор нагрузок и эпюры. Вот что я вам скажу, молодой человек. Математика, конечно, наука абстрактная и оперирует формулами, но нужно не терять представление о самых элементарных бытовых вещах. Смотрите что вы сделали. Расчет при различных нагрузках, эпюры,

отлично. Варианты нагрузок. Снег слева, хорошо, снег справа-тоже неплохо, снег с двух сторон — чудесно. Ветер слева — хорошо, ветер справа — тоже неплохо, ветер с двух сторон... Что же это за ветер такой, что за муссоны или пасаты, которые дуют на вас сразу с двух сторон? Придется переделать, пока никто не видел, а то засмеют. Нет, нет, дома. Вы же уже подобрали сечения двух поясов фермы под этот сумасшедший ветер.

Очередной желающий. — А где же ваша книга или проект? Вы хотите сдавать румынский? А как ваша фамилия? Гульпа? Слышал. Вы молдаванин? Насколько мне известно, румынский не входит в перечень рекомендованных иностранных языков, так же как и польский и болгарский. А разве у вас в школе не было иностранного языка? А, английский.

У вас его плохо преподавали и давали больше румынский? Ладно. Я могу предложить вам следующий вариант. Вы идете в библиотеку и берете что-нибудь легкое на итальянском. Скажем сказки, «Чипполино». Или, например, у Джанни Родари есть симпатичная книжка «Джельсомино в стране лжецов». Я думаю, что, зная хорошо румынский, вы с помощью словаря сможете их легко перевести, и я приму у вас итальянский.

Наконец подошла моя очередь. — Вы что сдаете? Английский? Что это за книга? «Sun and

Shadow» «Солнце и тень». Автор Марсель Бройер. Что-то я не слышал такого писателя.

— А он не писатель. Он архитектор — один из организаторов Баухауза.

— Интересно. И где вы только достаете эти книги?

— Это из библиотеки Академии архитектуры. Мне ее дала Мария Федоровна под расписку и страшную клятву.

Разобравшись с Ямпольским и сдав ему свои «тысячи», я отправился на кафедру физкультуры выяснять с ними отношения. На втором курсе занятия у нас были факультативными, я ходил на гимнастику, но, естественно, влезать на турник после операции мне не разрешили. С кафедрой физкультуры у меня были сложные взаимоотношения, вернее не с кафедрой а с ее заведующим с оригинальной фамилией Добрыйвечер. После ликвидации курсовых газет я оказался в институтской юмористической газете «Дробилка». И так как на кафедру было много нареканий, то мне приходилось писать на эти темы стихи и делать карикатуры. В основном это были безобидные шаржи больше не на Доброговечера или Добрыйвечера (никто не мог точно сказать, как он склоняется), а на нашего проректора по админхоз Арбузова. Шаржи такого типа:

Нам Середенко рассказал:

«Вошел я в зал,
Как только на паркет я стал,
Паркет отстал,
И вентилятор смолк в тиши,
Хоть не дыши,
И, как пословица гласит,
Топор висит».

То-есть все нападки, в основном, на хозяйственников. На этой почве мы даже раззнакомились с Добрымвечером и он сам старался поставлять нам материал, так как эти публикации оказывали свое действие. К ним привыкли. И когда в одном из номеров не оказалось ничего о спортивной кафедре, Евстифеев послал меня к ним. Заведующий кафедрой уехал на какие-то соревнования, Сидоров нарисовал на него великолепный шарж, а я написал:

Без Доброго без Вечера
Сказать о спорте нечего.

Этот невинный шарж почему-то произвел на него крайне негативное впечатление. При встрече он на меня кричал: «Так что, по-твоему, на кафедре ничего не делается, по-твоему на кафедре бездельники, которые в мое отсутствие черт-те чем

занимаются? Ничего, еще посмотрим. Ты еще придешь сдавать к нам зачет».

Когда я робко протиснулся в зал, Доброговечера не было, но был Юзеф — наш тренер по гимнастике, человек крайне доброжелательный. Он посмотрел мою больничную справку, взял зачетку и поставил «зач.», сказав при этом: «Не переживай, ты бы все равно сдал».

Разделавшись с побочными хвостами, я засел за проект. Это был первый проект настоящего здания, а именно: «Двухэтажный усадебный жилой дом».

Все свободное время у меня уходило на роман с Кирой и подготовку новогоднего капустника. Кира, как я и ожидал, для начала устроила мне небольшой обычный скандальчик.

— Почему я узнала о твоей операции только на третий день, когда позвонил мне Толик? Я даже не могла тебя навестить, так как ты этого не хотел.

— Почему это я не хотел? Я как раз очень хотел (Я-таки попросил Толика позвонить ей и рассказать о моих неприятностях, но зная ее характер, сказал ему: «Если она скажет, что хочет прийти, расскажи ей, как меня найти, а если спросит, должна ли она идти ко мне, ответь ей, либо — как хочешь, либо — не обязательно. Я понял, что она озвучила второй вариант»).

— Я не знаю почему ты не хотел, но догадываюсь. Очевидно тебя посещали другие твои, более сердобольные дамы, и ты не хотел, чтобы я с ними столкнулась.

Меня, действительно, дважды посещала Ася по собственной инициативе, и я не очень хотел, чтобы в нашей дружной жизнерадостной палате кто-то стал бы при всех выяснять со мною отношения, а Кира была очень склонна к такому веселому времяпрепровождению. Но я об этом, естественно, умолчал.

В десять вечера, препроводив Киру домой, я усаживался за написание капустника для новогоднего вечера. К Новому году мы всегда готовились активно: делали светогазету с текстами и с музыкой, репетировали инсценировки. Вот эти скетчи на институтские темы я писал с большим удовольствием. От участия в них на сцене я отказался после плачевного опыта нашего поступления, вернее поступления моих приятелей в студию МХАТ в прошлом году. Но все-таки меня уговорили участвовать в одном из скетчей. Когда я его рассказывал и показывал, наш режиссер Сергей сказал, что у меня все отлично получается, и никого другого он искать не будет.

Скетч был простым как мычание. Тема, как всегда, наиболее злободневная — экзамены. На сцене стояло несколько столов (аудитория) и стол

преподавателя. Сидело несколько студентов готовящихся к ответу. За столом преподавателя сидел студент, загримированный под Василия Ивановича Съедина — нашего преподавателя истории искусств. Заходил очередной студент (то-есть я), брал билет, зачитывал (все как обычно) и садился за первый стол, который на три четверти был повернут к залу. И вот тут все начиналось. В столе верхний ящик был набит книгами — здоровыми фолиантами по истории искусств, но этот ящик не имел задней спинки и был открыт в сторону преподавателя. И когда преподаватель кричал «Виноват! (любимое выражение Василия Ивановича). Спрячьте книгу!», я отвечал «У меня никакой книги нет», проталкивал ее (книгу) в ящик поглубже и она падала на пол рядом с преподавательским столом. На вопрос «Вы готовы?» я отвечал «Еще нет» и брался за очередную книгу. Все эти реплики обыгрывались, и в результате у стола преподавателя образовывалась куча книг и т. д.

В этом скетче Сергей и уговорил меня играть во второй раз в жизни после провальной премьеры «Красного галстука». Мне Светлана сделала волосы дыбом, закатали один рукав пиджака, перевели набок галстук и в таком диком виде я вышел на сцену, услышал «Тяните билет, молодой человек», вытянул билет, хрипло произнес «Билет номер 13»

и сел за первый стол. Тут же я обнаружил, что стол набит книгами, но задняя стенка стоит на месте, и никакой дырки там нет. Я повернулся к Сергею, который стоял за занавесом и довольно внятно произнес:

— А где же стол с дыркой?

— Стол с дыркой забрал Арбузов. А вместо него поставил новый, — сообщил Сергей зловещим шепотом.

— Виноват! Перестаньте болтать — заявил псевдо Василий Иванович.

Никто ничего не понял. Я не знал, что делать, и начал вытаскивать книги на стол.

Псевдосьедин понял, что ситуация выходит из под контроля и начал импровизировать.

— Виноват! А это что за книги?

— А это не мои, — ответил я. — Это из библиотеки.

— А, тогда другое дело, — ответил он невпопад и уселся за стол.

Надо было что-то делать. Я подвинул один том к краю стола, и он упал. Псевдосьедин не прореагировал. Я сбросил второй том.

— Перестаньте смотреть в книгу, — наконец произнес он — заглянув в приготовленный текст.

— А я не смотрю, — ответил я, спрятав одну из книг в стол. В это время упал третий том.

— Перестаньте швыряться книгами. Вы готовы?

— Еще нет, — сказал я и достал очередную книгу

— Вы же не тот том взяли, — вдруг заявил он, — у вас же вопрос по барбизонцам. А вы вытащили книгу по Ренессансу.

— А я все равно не понимаю, — тут написано по-немецки (импровизировать так импровизировать).

— Это плохо, но не страшно. А вы смотрите на картинки.

— Картинки красивые, — я понес уже полную ахинею.

— Так вы готовы?

— Еще нет.

Когда я посбрасывал все книги и делать больше было нечего, я сообщил, что я готов.

— Ах, готов! Тогда соберите книги и отнесите их в библиотеку.

— А я не могу их нести, я после операции, — ответил я совсем уж ни к селу ни к городу.

— Ну тогда давайте зачетку.

— Зачем?

— Бог с вами! Поставлю вам зачет. С литературой вы уже прилично поработали.

Не знаю почему, но наше провальное выступление было принято залом с большим